

“РОДИНА-МАТЬ”
В ИСТОРИИ РОССИИ**М.Ю. Тимофеев**

Тимофеев Михаил Юрьевич (Иваново, Россия) — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета;
Email: editor@journal-labirint.com

ПОМНИ О МАТЕРИ-РОДИНЕ! КОНКУРИРУЮЩИЕ МЕСТА ПАМЯТИ¹

Статья посвящена исследованию использования материнского образа в монументальном искусстве, задействованном в создании мест памяти. Автор рассматривает способы включения символа Родины-матери в символическую политику советского и постсоветского времени, региональный и этнический контексты символического пространства городов. Особое внимание уделено переосмыслению образа мемориальной композиции Родина-мать в Набережных Челнах и дискуссии, инспирированной попыткой переосмыслить роль памяти о войне в Волгограде. В результате проведенного анализа делается вывод, что практики политического использования образа Родины-матери не имеют общей трактовки, обусловленной его специфичностью в отечественной культуре. Анализ способов включения материнских образов в политики памяти позволяет сделать вывод о том, многие памятники обрели свои собственные уникальные коннотации.

Ключевые слова: символическая политика, «Родина-мать», материнский символ, монументальная пропаганда в СССР, городское пространство, постсоветская Россия, политика памяти

M. Yu. Timofeev

Mikhail Timofeev (Ivanovo, Russia) — Doctor of Philosophical Sciences, Professor at Ivanovo State University, Department of Philosophy; Email: editor@journal-labirint.com

REMEMBER THE MOTHERLAND! COMPETING REALMS OF MEMORY

The use of the image of Mother in monumental sculpture, which is part of places of remembrance, is considered in this paper. The author studies the ways, how Mother of the Homeland was included in the symbolic policy in Soviet and post-Soviet times, in regional and ethnic context of cities' symbolic space. The focus is on reconsideration of the image of Mother of the Homeland monument in Naberezhnye Chelny and also on the discussion, which started with an attempt to reconsider the role of the war memories in Volgograd. The author comes to the conclusion that there is no single explanation of the use of the image of Mother of the Homeland in politics. It can be suggested that many monuments have gained their own unique meaning.

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ ‘Родины-матери’ в символической политике современной России».

**“РОДИНА-МАТЬ”
В ИСТОРИИ РОССИИ**

Keywords: symbolic politics, Motherland, image of Mother, monumental propaganda in the USSR, city space, post-Soviet Russia, politics of memory, realms of memory

*Многочисленные места памяти существуют потому,
что больше нет памяти социальных групп.*

П. Нора «Проблематика мест памяти»

Введение. Непустое место

Символическая политика, направленная на актуализацию исторической памяти предполагает маркировку пространства с помощью разного рода памятных знаков. Результатом такого рода деятельности является то, что «пространство нашей повседневной жизни структурировано образами памяти подобно тому, как время — праздниками» [1, с. 9]. В современных крупных городах не так много площадей, скверов и парков, где не были бы установлены памятники. По мнению П. Нора, обилие мемориальных мест является свидетельством утраты памяти. Интерес к такого рода локусам, считает он, — «это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти» [32, с. 17]. «Статуемания» — представление о необходимости установления монументов, заполнения ими «пустот» на улицах и площадях возникает во второй половине XIX века. Памятники воздвигаются в столицах и провинции, в Европе и Америке [52]. Начиная с 1870-х годов, по мнению С. Михальского, в массовой установке памятников можно обнаружить симптомы политической и социальной озабоченности символическим означиванием пространства [53, с. 56-77].

«Памятники, мемориалы и места скорби, — отмечает М. Немцев, — это то, без чего невозможна символическая среда обитания человека. Человек живёт в окружении памятников и посещает места памяти» [31, с. 8-9]. Это часть городского символического пространства, которая призвана быть «повседневным напоминанием о Родине» [См.: 1]. При этом, как очень точно указывает М. Габович, «ничто не является “памятником в себе” — коммеморативным свойством его наделяет наблюдающий. Он же может лишить его этого свойства, превратить памятник в бывший памятник, место памяти из общего места — в пустое место» [9]. Для поддержания интереса к мемориальным объектам необходимо их включение в актуальные коммеморативные практики. Так, по мнению К. Хайнриха значимость памятника определяется не событием, к которому он отсылает, а эффектом, производимым им на стороннего наблюдателя. Памятник должен «вызвать критические обсуждения», быть «средством трения в общественной дискуссии» [Цит. по: 17, с. 90]. В данной работе я следую пониманию символической политики, данному О. Ю. Малиновой [См.: 23] и представляющему собой «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [22, с. 92].

Городская среда как пространство конкурирующих дискурсов коммеморации только начинает осмысляться в категориях символической политики [29]. Одной из причин отсутствия единого концепта при создании городских мест памяти в современной России является «отсутствие внятной позиции государства по большинству вопросов, вызывающих идеологические споры. По признанию многих исследователей, ключевой проблемой, затрудняющей форми-

“РОДИНА-МАТЬ”
В ИСТОРИИ РОССИИ

рование новой макрополитической идентичности, является стремление властвующей элиты отложить на неопределенное будущее решение дилемм, связанных с ее ценностно-смысловым наполнением» [23, с. 115].

Как указывает Н. К. Колягина, «несмотря на существование каналов выражения личного отношения к уже существующему памятнику, сложившаяся практика установки монументов в России исключает сообщество горожан из обсуждения проектов монументов – как правило, у граждан нет институционально закрепленного способа влиять на то, кому, где и когда будет поставлен новый памятник и как он будет выглядеть» [17, с. 100]. Одним из результатов такого положения дел является то, что многие памятники являются объектами оживлённой критики спустя много лет после их установки [См.: 26].

Как вслед за П. Бурдые пишет О. Ю. Малинова, «хотя государство не является единственным актором символической политики, оно занимает особое положение на этом поле, поскольку обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности <...>. В связи с этим и публичные высказывания акторов, выступающих от имени государства и/или оказывающих влияние на принятие решений, имеют особое символическое значение и, как правило, становятся объектами соотнесения для других участников дискурса» [См.: 22, с. 92-93].

Поскольку «образ Родины-матери является непосредственным катализатором социального поведения людей различных наций» [См.: 46], то его использование имеет важное значение для государственной политики. Приводимые О. В. Рябовым данные, позволяют говорить о том, что включение визуального образа Матери-России в символические практики берёт начало в XVIII веке. Будучи в некотором смысле элементом европеизации, использование женского образа как аллегории страны и нации первоначально сталкивается с непониманием. Первый памятник появляется лишь в 1862 году — «Тысячелетие России» работы М. Микешина [43]. Иконография России-матери активно формируется на рубеже XIX-XX веков [42, с. 35-37]. Тогда же в конце XIX века женский символ нации поднимается на пьедестал и в других странах: памятник Германии на горе Нидервальд (1883), установленная в бухте Нью-Йорка тремя годами позднее скульптура «Свобода, несущая свет миру» быстро ставшая символом США [См.: 40; 41; 49].

Обращение к образу Родины-матери в отечественном монументальном искусстве было прервано на несколько десятилетий. Начиная с середины 1920-х годов приоритетными темами монументальной пропаганды в советской России становятся героика Гражданской войны и образы вождей [См., напр.: 25]. Женские образы присутствуют в новой символической политике отнюдь не в качестве родины-матери. Толчок к активному использованию материнского образа в советской пропагандистской работе даёт появившийся в начале Великой Отечественной войны плакат И. Тоидзе «Родина-Мать зовёт!», и уже после войны этот образ приобретает монументальное воплощение, о котором пойдёт речь ниже.

В настоящем исследовании меня будут интересовать то, каким образом женские образы, запечатлённые в монументальном искусстве, включены в городское пространство и коммеморативные практики. Объектом исследования являются, прежде всего, женские скульптурные образы на военных мемориалах, установленных в городах России за последние 70 лет. Предстоит выявить специфику его использования в определённом пространственно-временном континууме, а также показать способы репрезентации этих монументов в риторике представителей власти и их оппонентов. Я полагаю, что для выяснения значимости материнских образов в политиках памяти, выраженных в установленных в этот период монументах, имеет

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

смысл сопоставить их с альтернативными способами мемориализации, с традицией и спецификой использования этого образа.

Основной методологической проблемой при дифференциации собранного материала стало отсутствие в существующей литературе типологии монументальных женских изображений. Некоторые из них обозначались как «Мать», «Родина-мать», «Скорбящая», «Скорбящая мать», «Скорбящая Родина-мать». По этой причине в исследовании мной выделяются образы *Родины-матери* и *Скорбящей матери*. В качестве критерия для определения использовалась авторская атрибуция, а также контекст пространственной среды, в которую помещён конкретный объект. Под образом матери мной понимается не наиболее общий и широкий тип женского изображения, вмещающий в себя два последних, а узкий вид репрезентации самодостаточной темы материнства, чаще всего реализуемой в виде женщины с ребёнком. Схожие образы, помещённые в мемориальный контекст, уже выступают в качестве скорбящей матери, либо Родины-матери. Патриотический образ, которому будет уделено особое внимание, представлен двумя типами: героическим образом женщины-воительницы, воодушевляющим на подвиги, и трагическим (скорбящая мать).

Монументальная мобилизация

Именно военная история 1941-1945 годов способствует возвращению и массовому тиражированию образа *скорбящей матери* и *Родины-матери*. В Берлине менее чем за пять лет было создано три мемориала, в двух из которых — в парке Шенхольцер-Хайде (1947-49) и в Трептов-парке (1949) — присутствуют эти образы: «Скорбящая мать» Е.В. Вучетича и «Родина-мать» И.Г. Першудчева. В СССР было сооружено около 70 тысяч мемориалов и памятников, посвящённых событиям Великой Отечественной войны. Судя по имеющимся в моём распоряжении данным, их возникновение нельзя считать планомерным. Учитывая, что в настоящее время в исследованиях военной памяти выделяют государственно ориентированный, лично ориентированный и объединительный подходы к памяти о войне [См.: 11], можно сказать, что они вплоть до середины 1960-х в СССР они находились в сложном единстве. Мемориализация была достаточно спонтанной. Кроме того, нужно учесть, что в то же время возводились и обновлялись памятники Ленину и Сталину, героям революции и гражданской войны. В перечне краткого справочника 1972 года количество последних превосходит число военных монументов Великой Отечественной (в число которых, кстати, не попал мемориал в Волгограде) в пропорции 53 к 39 [См.: 16]. В крупных городах, являвшихся административными центрами, местные власти были вынуждены регулировать процессы размещения «полагающихся» по статусу этим городам монументальных сооружений, которым не всегда находилось место в исторической части города, поскольку в центральной части уже были установлены памятники, демонтаж которых был невозможен по идеологическим причинам [См.: 19]. Для размещения мемориалов были задействованы не только площади, но и скверы и парки. В новых городах они включались в современную многоэтажную застройку. Для предпринимаемого исследования важно иметь в виду, что «помимо функции монументального выражения определенных, санкционированных советской властью интерпретаций событий войны, они служили еще и целям пространственной концентрации. Сооружая все новые и новые памятники (зачастую становившиеся местами перезахоронения) в стремительно растущих городах, планировщики, архитекторы и скульпторы перемещали войну (и останки погибших солдат) из сельской местности, в которой следы войны были наиболее заметными, в места, связь ко-

“РОДИНА-МАТЬ”
В ИСТОРИИ РОССИИ

торых с военными действиями зачастую была опосредованной или символической и потому легко манипулируемой» [9].

В первые послевоенные десятилетия масштабы монументальной пропаганды на территории СССР были невелики. В феврале 1945 года был проведён конкурс на проект мемориала ленинградцам, погибшим во время блокады. Однако строительство комплекса на Пискаревском кладбище было начато только в 1956 году, и 9 мая 1960 года мемориал был открыт. Строительство памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» было начато под руководством Е. В. Вучетича в мае 1959 года и завершено 15 октября 1967 года. Подробнее о нём будет сказано ниже.

«Отставание» в увековечивании войны объясняется не только трудностями восстановления страны, но и официальной политикой памяти. Дело в том, что День Победы продолжительное время не входил в число наиболее значимых советских праздников. Однако его праздновали, невзирая на отсутствие официального выходного. Как отмечал в вышедшей в 1981 году книге «Обряды правителей. Ритуал в индустриальном обществе: советский случай» К. Лейн, «ритуал военно-патриотической традиции отличается от других советских ритуалов несколькими важными чертами. Он обычно менее развит, менее стандартизирован и более децентрализован. В нем сливаются официально предписанный ритуальный порядок и то, что связано с самодеятельным творчеством местных жителей. Участие людей в главном празднике этой традиции, Дне Победы, и более широко распространено, и более спонтанно, чем в других ритуалах» [20].

Принципиально новый этап отношения к Великой Отечественной войне начинается в 1965 году². 8 мая 1967 года у стен московского Кремля был открыт мемориальный архитектурный ансамбль «Могила Неизвестного солдата», ставший на многие годы главным местом памяти о войне. Борьба с памятниками, в период распада СССР, не затронула в РСФСР воинские мемориалы, а в 1990-е годы деконструкция советской семиосферы лишь в незначительной степени затронула день Победы. А вот праздничный день 7 ноября был перекодифицирован и включён в то же смысловое поле, став Днём проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 год)³. С 12 декабря 1997 года в соответствии с Указом Президента России Б.Н. Ельцина пост № 1 почётного караула был перенесён от Мавзолея Ленина к Могиле Неизвестного солдата.

Большие и малые Родины-матери

Единственным в России монументом, доминирующим над городским ландшафтом, является скульптура «Родина-мать зовёт!» работы Е.В. Вучетича на Мамаевом кургане в Волгограде (Илл. 1). Она представляет собой 52-метровую фигуру стремительно шагнувшей вперед женщины с мечом в правой руке. Благодаря своим размерам и активному использованию в коммеморативных практиках, это один из наиболее известных в России памятников [См.: 37]. Ниже его на площади Скорби находится монументальная скульптура того же автора «Скорбящая мать», которая широкой публике известна гораздо в меньшей степени (Илл. 2).

Волгоград — с одной стороны, город, занимающий особое место в истории Второй ми-

2 Согласно Указа № 3566-VI Президиума Верховного Совета СССР 9 мая стал выходным и праздничным днём.

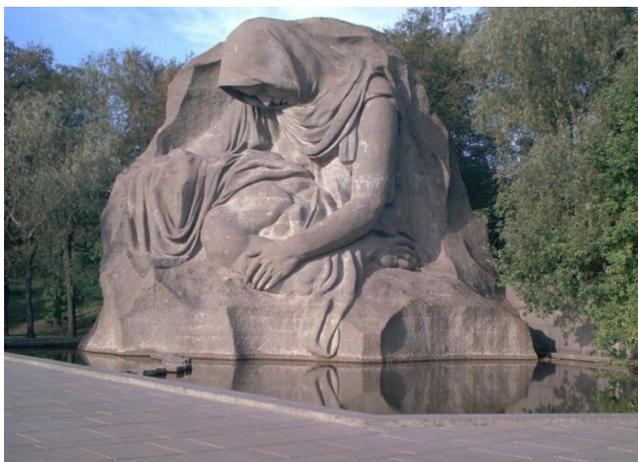
3 В соответствии с Федеральным законом № 32-ФЗ от 13 марта 1995 года «О днях воинской славы и памятных датах России».

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

ровой войны. С другой стороны, количество воинских памятников и памятных знаков в нём сопоставимо не только с городами-героями, но и с некоторыми городами, находившимися

Илл. 1. Скульптура «Родина-мать зовёт!» на Мамаевом кургане (Е.В. Вучетич). Волгоград. <http://feldgrau.info/other/6897-rodina-mat-zovet>

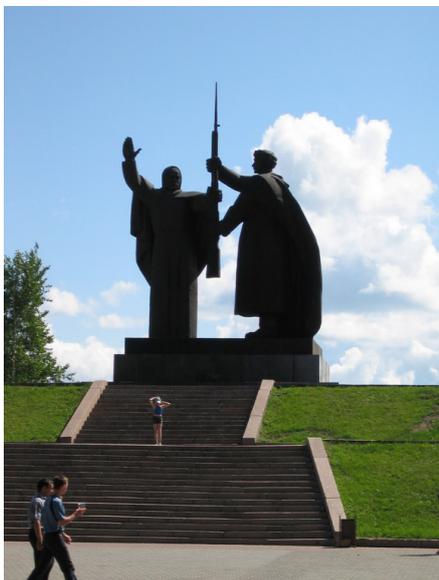
Илл. 2. Скульптура «Скорбящая мать» (Е.В. Вучетич). Волгоград. <http://plus8-db.com/item/mamaev-kurgan-istoriya-nazvaniya>

в советском тылу. Скульптура «Родина-мать зовёт!», являющаяся композиционным центром всего памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы», выходит за рамки существовавших в то время в советском искусстве канонов, отсылает к образам Ники Самофракийской и парящей над волонтерами Марсельезы на барельефе Триумфальной арки в Париже. Мать-воительница, поднимающая в бой своих сыновей [40, с. 99-131] — востребованный образ. Первоначально на вершине Мамаева кургана на постаменте должна была стоять скульптура Родины-матери с красным знаменем и коленопреклоненным бойцом (подобный проект был реализован позднее в Чебоксарах). Суровый реализм установленной в 1979 году в центральной части томского мемориального комплекса скульптурной композиции «Родина-мать вручает оружие сыну», где женщина передаёт винтовку, делает сюжет обыденным (Илл. 3). В отличие от неё Родина-мать в Волгограде, благодаря своему античному облику, может считаться универсальным образом матери-защитницы.

Аллегорические фигуры Родины-матери с холодным оружием в руках в Армении, Грузии и на Украине установлены в столичных городах и доминируют над ландшафтом, реализуя тем самым метафору покровительства. Можно предположить, что в России семантическая нагрузка на «главную» Родину-мать в Волгограде из-за её нахождения в российской провинции будет несколько иной. Следует при этом учитывать и её «советское происхождение». Это и не Мать-Россия (кстати, скульптура именно с таким названием имеется в столице российского западного анклава в Калининграде), и явно образ, не рядоположенный аналогичным скульптурам, установленным в советское и постсоветское время в этнических регионах Российской Федерации.

Способы репрезентации Родины-матери в национальных культурах — тема самостоятельного исследования (См. статью Д. С. Докучаева «“Родины мать”: монументальная риторика материнского образа в регионах России» в этом номере). Однако поскольку политика мемориализации Великой Отечественной войны в СССР реализовывалась повсеместно, то я хотел бы проследить, как осуществлялось конструирование памяти о войне с помощью женских образов в национальных автономиях, входящих в настоящее время в Российскую Федерацию.

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

Илл.3. Композиция «Родина-мать вручает оружие сыну». Томск.

Илл. 4. Памятник у стелы в парке Победы. Казань. <http://priroda36.ru/goroda-mira/430-parki-kazani.html>

Начать краткий обзор уместно с Татарстана, так как по числу погибших в годы войны татары уступают только русским, украинцам и белорусам. Наиболее известный в этой республике памятник Родине-матери находится в Набережных Челнах, и ему будет посвящена отдельный фрагмент настоящей статьи. В Казани материнский образ, включённый в военный контекст, появился только в постсоветское время. В заложенном в 1975 году парке Победы, который был достроен лишь через 20 лет, а торжественно открыт только в 2005 году, можно обнаружить два варианта использования женского образа. У центрального входа расположена 30-метровая стела, у подножия которой расположены две фигуры — солдата в длиннополой шинели с мечом в руке и машущей платком женщины с ребёнком, сидящим на другой руке (Илл. 4). В этом же парке установлен памятник «Мать солдата» (Илл. 5), изображающий достаточно молодую женщину с розой в руках [14].

Илл.5. Памятник «Мать солдата» в парке Победы. Казань. <http://www.mimi-gallery.com/park-pobedy-v-kazani?p=1>

Женские образы на военных мемориалах имеются и в других поволжских республиках. В Чебоксарах, кроме созданного в 2003 году памятника Матери-Покровительнице чувашского народа, есть монумент Воинской Славы павшим в Великой Отечественной войне, открытый на высоком берегу Волги 9 мая 1980 года. Женщина в национальном костюме, держащая в левой руке знамя, напутствует коленопреклонённого сына-солдата, указывая правой рукой ему путь (Илл. 6). В Саранске композиционным центром мемориального комплекса является памятник воинам Мордовии, открытый 9 мая 1970 года. Скульптурная группа изображает Мать-Мордовию, вручающую меч сыну-солдату (Илл. 7). Мемориалы «Скорбящая мать» установлены в Уфе и в Йошкар-Оле. В северокавказских республиках женские образы на

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

мемориалах также достаточно малочисленны⁴, а в некоторых регионах и вовсе отсутствуют.

В северных национальных регионах России женские образы на городских военных мемориалах используются редко. В Сыктывкаре центром монументальной композиции (1981) является трёхфигурная композиция скульптур, олицетворяющих, скорбящих женщин — жену, дочь и мать, подносящих увитую лентами кедровую ветвь к «вечному огню» (Илл. 8). В расположенном рядом с центральной площадью Ханты-Мансийска Парке Победы в 1995 году открылся мемориал из мрамора и гранита в виде Родины-матери, склонившейся над погибшим воином. В Якутске 11 сентября 2015 года в рамках Дня рождения города Якутска на территории Центрального округа открылся мемориальный комплекс, посвященный вдовам и матерям павших солдат «У войны не женское лицо...».

Илл.6. Монумент Воинской Славы. Чебоксары. <http://galadietrih.blogspot.com/2015/05/Cheboksary.html>

Илл.7. Памятник воинам Мордовии. Саранск <http://cs416126.vk.me/v416126251/8ac3/KJILMpx29yk.jpg>

Илл.8. Скульптура «Оплакивание». Ханты-Мансийск. http://visithm.com/necessary/monuments/detail.php?ELEMENT_ID=378&iblock_id=13

У-местность траура и региональные практики ремобилизации памяти

Женский образ, наиболее часто используемый в коммеморативных практиках, чаще всего является трагическим. Это обстоятельство обуславливает то, что его локализация связана чаще всего с мемориалами, созданными на месте погребения и находящимися на периферии городских поселений⁵. Художественно осмысленные образы безутешной женщины-матери

⁴ Можно назвать мемориал в парке имени Ленинского комсомола Махачкалы (1976).

⁵ Памятник-надгробье «Скорбящая мать» (1970) на братской могиле подпольщиков и партизан в Реадовском парке Смоленска, мемориал «Память» (другое название «Скорбящие матери») в Челябинске (1975) на кладбище «Лесное», на кладбище Красная Этна в Нижнем Новгороде (1965), на Воздвиженском кладбище Тамбова (1975), «Скорбящая Мать Родина» (1975-1976) в Северодвинске, горельеф «Скорбящей Матери-Родине» на могиле Неиз-

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

возникли в советском пластическом искусстве ещё в годы войны [4, с. 39-40]. Нельзя сказать, что таким образом была создана модель, масштабно использованная в дальнейшем. В последующие годы авторы нередко создавали оригинальные художественные образы скульптуры, барельефы и горельефы. Назвать точное количество этих памятников даже только в городах России вряд ли представляется возможным. Я остановлюсь на способах позиционирования наиболее известных и типичных из них.

Достаточно широко распространены мемориалы, созданные при заводах и фабриках в память о невернувшихся с фронта домой⁶. Так в небольшом городе Димитровграде Ульяновской области установлено 14 памятников и обелисков, 11 бюстов, 4 памятных знака бойцам фронтов и труженикам тыла. Среди них монумент «Родина-Мать» (1975) и монумент «За Родину» у Димитровградского автоагрегатного завода (Илл. 10). Кроме этого, в некоторых городах установлены памятники реальным солдатским матерям, потерявшим на войне всех своих сыновей.

Илл. 9. Мемориальный комплекс воинам-визовцам. Екатеринбург. <http://nezabudem.net/obelisks/1714>

Илл. 10. Монумент «За Родину» Димитровград. http://dimitrovgrad.ulregion.ru/city/pamyatnie_mesta/za-rodinu/

Особым случаем проявления памяти по погибшим являются мемориалы погибшим в локальных войнах. Сравнивая два памятника в Петербурге, где присутствует фигура матери, Н. Данилова подчёркивает, что официальность, парадность «отчасти делает эти мемориальные комплексы менее популярными среди участников Афганской войны и родственников погибших. Происходит столкновение официальной (государственно ориентированной) формы сакрализации памяти погибших и индивидуальной памяти участников войны» [11]. В небольших городах такие памятники нередко возводятся в новых микрорайонах вблизи школ⁷.

Местом, где в настоящее время соединены мемориалы воинам XX века, является Парк Победы на Поклонной горе в Москве. Место, ассоциирующееся с Отечественной войной 1812 года, было выбрано для создания крупнейшего в стране воинского мемориала в ещё в 1942 году, а торжественное открытие прошло 9 мая 1995 года, о чём я писал выше. Одной из причин длительного создания мемориала явилось, то, что не удавалось выбрать достойный замысла вариант. В выбранном в итоге проекте, созданном под руководством З. Церетели, женский

вестного Солдата в Самаре.

⁶ В Екатеринбурге Мемориальный комплекс воинам-визовцам с монументальной фигурой скорбящей матери (Илл. 9). Два памятника в Орле: на заводах Дормаш (1967) и на «Текмаш». (1975).

⁷ Памятники «Скорбящая мать» в городе Михайловка Волгоградской области (1995) и в городе Златоусте Челябинской области (2004).

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

образ присутствует, но это уже не образ Родины-матери. Высокая стела в центре комплекса увенчана 25-тонной скульптурой древнегреческой богини победы Ники, держащей в руках лавровый венок [5].

Как уже следует из вышеизложенного, далеко не во всех российских городах можно найти мемориалы с использованием образа Родины-матери. Указанное в начале статьи обстоятельство, исключаящее сколь либо системную работу по насыщению городских территорий военными мемориалами и памятниками, порой приводит к тому, что в некоторых городах есть несколько близких по семантике женских образов. Например, в Пензе это памятник

Илл. 11. Монумент воинской и трудовой славы. Пенза. <http://jerrypic.com/pics/monument-voinskoj-i-trudovoy-slavy-penza.php>

установлена на месте воинского захоронения за городом, а образ Родины-Матери находится в центре композиции стоящего на центральной площади памятника «Героям фронта и тыла от благодарных потомков» (1986) работы В. М. Клыкова (Илл. 12). По словам скульптора, он «сознательно не выделял Родину-Мать по высоте для того, чтобы подчеркнуть, что Родина для каждого советского человека, особенно в годину испытаний, конкретна и лично приближена к каждому. Беды Родины — это беды каждого из нас, как и несчастье каждого из нас — несчастье для Родины» [15].

В Омске Мемориал Славы (1985) начинается с девятиметровой скульптуры Матери-Сибирячки с сыном (Илл. 13). Это не единственный случай репрезентации региональной сибирской идентичности в мемориалах такого рода, хотя в других сибир-

«Проводы» («Прощание») и главный городской мемориальный комплекс (1975), увенчанный фигурой Матери-Родины с ребёнком на плече (Илл. 11). Был в Пензе ещё один памятник под названием «Родина-мать», снесённый из-за плохой сохранности. На его месте была установлена скульптура «Ёжик в тумане» — героя мультфильма Ю. Норштейна, что не ускользнуло от внимания ряда СМИ [См., напр.: 3].

В ряде случаев скорбь и героизм сосуществуют в разных локусах. В Иванове композиция Мемориала героям фронта и тыла (1986) на одном из главных проспектов представляет собой фигуру стоящего на высоком постаменте солдата, у подножья которого расположена скульптурная группа из двух женщин, олицетворяющих текстильщиц, а на воинском захоронении в местечке Балино установлены памятники воину-победителю и скорбящей матери. В Перми десятиметровая фигура Скорбящей матери (1975), представляющая собой женскую фигуру в платке

с цветком, будто выпадающим из её руки, была установлена на месте воинского захоронения за городом, а образ Родины-Матери находится в центре композиции стоящего на центральной площади памятника «Героям фронта и тыла от благодарных потомков» (1986) работы В. М. Клыкова (Илл. 12). По словам скульптора, он «сознательно не выделял Родину-Мать по высоте для того, чтобы подчеркнуть, что Родина для каждого советского человека, особенно в годину испытаний, конкретна и лично приближена к каждому. Беды Родины — это беды каждого из нас, как и несчастье каждого из нас — несчастье для Родины» [15].

Илл. 12. Памятник «Героям фронта и тыла от благодарных потомков». Пермь. http://oldperm.clan.su/_ph/88/622547995.jpg

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

ских городах памятники с использованием женских образов более традиционные⁸. Появившаяся в Калуге в 1966 году к 25-летию освобождения города стела не сразу приобрела свой сегодняшний облик: скульптурная композиция «Родина-Мать» украсила вершину монумента спустя 8 лет. Это женская фигура высотой семь метров с лентой, символизирующей реку Оку, и спутником Земли в руках.

Все перечисленные места памяти являются местом проведения торжественных и камерных мероприятий в дни начала и завершения Великой Отечественной войны. В городах, захваченных оккупантами, отмечается день освобождения Советской армией. В Волгограде особо отмечается день начала контрнаступления в ходе Сталинградской битвы.

Насколько можно судить из приведённого мной материала, воинские мемориалы продолжают сооружаться. Это не только памятники недавним локальным войнам [47], но и мемориалы Великой Отечественной войне, которые, правда, нередко включают памятники погибшим в других войнах.

Внедрение в сознание новых поколений представления о непреходящей ценности давних войн составляет часть символической политики [См.: 50]. Происходит генерирование новых идей, способных актуализировать политики памяти, обеспечить её непрерывность. Так, в Томске, где в Лагерном саду находится описанный выше «Мемориал боевой и трудовой славы томичей», в 2012 году была проведена первая акция «Бессмертный полк», участники которой следуют колонной и несут портреты своих воевавших предков: родителей, дедов и прадедов. Начиная с 2013 года, эта традиция распространилась на всю Россию и за её пределы. Российские военные мемориалы в обязательном порядке включены в настоящее время в программы торжеств, посвящённых Дню Победы, либо иным памятным дням, связанным с локальными событиями, в разных городах. Однако, как показывают источники, обилие праздничных мероприятий не позволяет сфокусироваться на городских монументах [См.: 12; 13; 35; 36]. Насыщенность праздничных дней предполагает, что должны быть задействованы самые разные городские пространства — парки, стадионы, Дворцы культуры. Кроме того, их вовлечённость горожан связана локализацией разного рода церемониалов – главные мероприятия проходят в центре города, и это не всегда площадки, осенённые монументами. Кроме этого, часть мемориальных практик проходит на воинских захоронениях, обычно расположенных на периферии городской территории. Впрочем, большую часть календарного года мемориалы вовлечены в повседневные практики жителей, и выступают в качестве своего рода не всегда приметного фона [См.: 1; 49].

Илл.13. Мемориал Славы (скульптура Матери-Сибирячки). Омск. <http://omsk-web.ru/skulptura-mat-sibiryachka/>

⁸ Мемориалы «Подвигу сибиряков» в Новосибирске (1967), «Родина-мать» на главной площади Усть-Кута (Илл. 14). Памятники в Красноярске (1967), Тюмени.

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

Илл.14. «Родина-мать». Усть-Кум. <http://www.vsp.ru/veteran/2010/02/20/467555>

Генерирование смыслов вне памяти места (случай Набережных Челнов)

Н. Данилова обратила внимание на то, что «монументальность и использование типичных для советского контекста символов воинской скорби: Вечный огонь, фигура скорбящей матери» достаточно распространены на современных мемориалах [11]. Ниже я проанализирую исключительный нетипичный случай советской мемориализации. Это открытый 9 мая 1975 года комплекс «Родина-мать», расположенный в городе Набережные Челны, население которого в 1970-е годы выросло в десять раз. Идея создания в молодом строящемся го-

роде монумента была поддержана комсомолом и одобрена горкомом партии. Автором памятника был молодой скульптор-монументалист Ильдар Ханов. Работы по его возведению были начаты, не дожидаясь постановления вышестоящих органов. Городское партийное руководство рассчитывало, что будет возведена небольшая скульптура: «женщина-мать либо солдат с ружьём» [53], но оно сильно заблуждалось.

Центральный объект мемориала представляет собой огромную скульптуру, стилизованную под птицу Феникс, в виде крыльев которой размещены барельефные изображения лиц героев Великой Отечественной войны (Илл. 15). Столь нестандартное авангардное решение было явным перегибом для середины 1970-х, но автор точно уловил новую стилистику монументальных объектов, которые должны будут вписаться в новый урбанистический ландшафт. Как отмечала В.С. Сперанская, «сложилась новая ситуация для скульптуры, призванной бытовать в городской среде: гипертрофия масштабов застройки, унификация и типизация объемов и создаваемых ими градостроительных пространств, унылость и «необжитость» последних» [45].

Нетрудно предположить, что новаторская работа И. Ханова не сразу была принята горожанами, воспитанными на иных образцах монументальной пропаганды, и вызвала шок у партработников. Присутствовавшая в 1975 году на открытии памятника межведомственная комиссия из Москвы приняла решение взорвать его. Ситуацию спас лишь факт признания художественной ценности памятника «прогрессивной международной общественностью», назвавшей «Родину-мать» И. Ханова лучшей скульптурой, олицетворяющей Победу [34].

Монумент до сегодняшнего дня явно выбивается из десятков и сотен больших и малых сооружений, посвящённых памяти войны. Однако, повторюсь,

Илл. 15. Мемориал «Родина Мать». Набережные Челны. http://www.elabuga.com/hall/_hanov_fenomen.html

**“РОДИНА-МАТЬ”
В ИСТОРИИ РОССИИ**

это то, что привлекает к нему внимание. Местные функционеры стали даже очень ревностно к нему относиться: «Пока к мемориалу Родина-мать приходит возложить цветы четверть молодоженов. По мнению мэра города, которое он высказал в своем твиттере, их должно быть значительно больше: “В четыре раза больше. Не больше и не меньше”, — написал он. То есть почтить память воинов должны все женихи и невесты» [30].

Включение посещения памятных мест как часть свадебного ритуала — явление достаточно распространенное. Как писал об этом Д. В. Громов, достопримечательности, связанные с почитанием предков, «составляют 57% посещаемых объектов, упомянутых информантами, подобные объекты посещаются в 73% свадебных церемоний. Чаще всего к числу объектов этого типа относятся мемориалы в честь погибших в Великой Отечественной войне — Вечные огни, обелиски, братские могилы и так далее. При посещении подобных мемориалов молодожены практически всегда возлагают цветы. Военные памятники являются наиболее распространенной “свадебной достопримечательностью”; если информант, описывая свадебный обряд в своем городе, упоминает хотя бы один объект, посещаемый традиционно, то это, скорее всего, памятник в честь погибших на войне» [9]. Как можно судить по некоторым исследованиям, молодые люди, демонстрирующие осведомленность о приоритетах символической политики, не могут назвать конкретные городские места памяти [28].

Кроме этого, мемориальные парки в отсутствие рекреационной инфраструктуры становятся местом отдыха горожан. Огромный Парк Победы в новом районе Казани является любимым местом отдыха для жителей. Там «можно покататься на роликах, велосипедах, совершить пешие прогулки, прокатиться на лошадках и пони, посидеть в летних кафе, сфотографироваться на фоне легендарной боевой техники, позволяет приобщиться к истории» [33]. В связи с этим возникает проблема допустимого и недопустимого в такого рода городских локусах. Какие действия могут оскорбить память павших? Как оценить беззаботность проведения досуга с особым символическим смыслом мест памяти. Данные размышления можно свести к формуле «возможна ли поэзия после Освенцима», к одному из вариантов которого я обращаюсь ниже.

Вечная память как миссия места (случай Волгограда)

Уникальность города Волгограда в современной России заключается в том, что он стал по стечению ряда обстоятельств, главным из которых является культивирование памяти Сталинградской битвы в СССР, городом-символом. Ситуация, на которой я ниже подробно остановлюсь, показывает, что историческое прошлое может восприниматься как стигма, мешающая развитию города. После того, как на сайте мэрии Волгограда был опубликован текст под названием «Волгоград ищет свой новый символ», осенью 2012 года интернет СМИ наполнились разнородными обличительными текстами с броскими заголовками «Бренд сивой кобылы», «Волгоградские чиновники застыдились “несовременной” Родины-матери», «Местные власти вознамерились придумать новый символ города — менее “кровавый”», «Чиновникам Волгограда Родина-мать уже не нужна» [2; 6; 38; 44]. Авторы документа, вызвавшего столь бурную реакцию, — сотрудники департамента зарубежных связей — сообщали о проведении конкурса «Бренд Волгограда и региона», целью которого являлось создание «нового образа родного города и края». Всем желающим чиновники мэрии предлагали принять участие в «создании туристического или торгового бренда города и региона», который должен представлять собой «яркое, запоминающееся, символическое изображение, характеризующее единство простран-

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

ства, истории и традиций местности» [39].

В настоящее время этого документа нет в свободном доступе, и реконструировать его смысл можно только по цитатам, использованным его критиками. Инициатива вызвала сильное неприятие. Из контекста откликов можно судить, что одной из причин этого явился, мягко говоря, невысокий уровень авторитета местной власти. Но меня больше интересует второй — попытка смещения смыслов при позиционировании города и региона. Насколько я могу судить, использование понятия бренда чиновниками зачастую вызывает недоумение у специалистов. Как можно сделать вывод из развернувшийся вокруг инициативы полемики, эта риторика может вызвать и негодование.

Скульптура «Родина-мать зовёт» Е.В. Вучетича является для волгоградцев перенагруженной смыслами. Это и дань памяти места, и маркер территориальной идентичности, и знак, включённый в официальную символику города и области, вынесенный на герб и флаг. Так что посягательство на него воспринимается очень многими как серьёзное оскорбление, а информация о том, что «чиновники волгоградской мэрии больше не считают образ Родины-матери на Мамаевом кургане привлекательным для туристов» [39] способна взорвать информационные сети. В городе, где эта статуя зримо присутствует на самых разных носителях, вполне может сложиться представление, что её знают народы всего мира (Илл. 16).

По мнению инициаторов ребрендинга Волгограда, Родина-мать и всё, что связано с Великой Отечественной войной, уже не слишком актуально для региона [39]. «Родина-мать —

Илл.16. Волгоград. Реклама в магазине.

это все-таки наследие советских времен. К сожалению, у многих она ассоциируется с чем-то тяжелым, трагическим и траурным. Тем более у иностранцев. А нам бы хотелось, чтобы наш регион воспринимался как *приятная территория для отдыха* (курсив мой. — Т.М.)» [39]. Последняя реплика во многих обсуждениях рассматривалась как проявление явного святотатства. Как можно землю, политую кровью соотечественников, воспринимать как территорию для отдыха? По степени отсутствия политкорректности с таким подходом может сравниться, например, приглашение на курорты Хиросимы и Нагасаки. Но это отнюдь не означает, что в городе не может звучать смех, а в священных водах Волги нельзя купаться в летний зной. Речь идёт исключительно о символическом представительстве в российском и мировом контексте. А роль Сталинграда-Волгограда определена здесь для страны и мира едва ли не на века.

Именно в этом ключе комментировала ситуацию политический эксперт С. Колосова: «Попытку отказа от всемирно известного образа Родины-матери как символа Волгограда-Сталинграда иначе как глупостью назвать нельзя. В Москве, Париже, Берлине много прекрасных памятников и архитектурных сооружений, но Кремль, Эйфелева башня и Бранденбургские ворота остаются *неизменными и абсолютными символами* (курсив мой. — Т.М.) этих городов. Волго-

градская Родина-мать — прекрасный образ, давно уже имеющий многогранное политическое, философское, эстетическое измерения. И если он не устраивает волгоградских чиновников, то

“РОДИНА-МАТЬ”
В ИСТОРИИ РОССИИ

нужно менять не символ, а чиновников» [39]. Казалось бы, в этом комментарии, пусть не всё безусловно с мерой оценки значимости, но по сути всё так: имеющее место означивание места через его символ не может иметь альтернатив. Конечно, это спорно. Но я хотел бы обратить внимание, что в обсуждение казалось бы локального сюжета (привлечение иностранных туристов в Волгоградскую область, выделение средств на имиджевую кампанию, заграничные командировки для чиновников, продвигающих эту идею) подключились столичные эксперты, способные указывать, как следует себя вести не только чиновникам на местах, но и жителям. Мне трудно судить, по какой причине волгоградские чиновники выступили с весьма несвоевременной и очень непрофессионально сформулированной инициативой. По мнению политолога А. Миронова, инициатива с поиском нового символа Волгограда выглядит просто нелепой в год 70-летия Сталинградской победы: «она может спровоцировать мощный политический скандал с участием не только ветеранов войны, возмущение которых легко предсказать, но и федеральных властей» [39].

Перипетии трёхлетней давности в определённой степени актуальны до настоящего времени, поскольку в стремлении опорочить альтернативные коммеморативные практики маркировки городского пространства с помощью уличной скульптуры, некоторые учёные не замечают отличия арт-объектов от мемориалов. Так А. И. Макаров пишет, что «в городе начали устанавливаться памятники нарочито антипафосные, символика которых базируется на образах обыденности, легкости бытия потребительского общества. Возведены памятники обнаженному влюбленному, ангелу-хранителю, на одной из городских магистралей установлена перед рестораном скульптура свиньи. Это только некоторые примеры смены символических ориентиров в области политики памяти в монументальной сфере. Мы уверены, что многие российские города столкнулись с этой тенденцией: устанавливаются и легализируются под видом памятников реклама товаров, торговых знаков, а также всевозможные личные символы обывателей (памятник вилке, пельменю, кастрюле и т. п.). Причины такого положения дел лежат на поверхности – это отсутствие внятной политики памяти в городах [20].

Показательно, что на объявленный конкурс, который официально завершился до информационного скандала, ни одной заявки не поступило. С точки зрения представителя власти, этот «факт еще раз доказывает, что в общественном мнении волгоградцев и граждан России официальный символ и, если угодно, бренд, у нашего города давно уже есть — это Сталинградская Победа, воплощенная в памятнике Родина-Мать на Мамаевом Кургане. На мой взгляд, *альтернативы героическому образу «Родина-мать» нет и не может быть*. Те, кто отдавал здесь, в Сталинграде, свою жизнь за Родину, кто разгромил фашистов на Волге, еще тогда дали и смысл, и символ нашему городу, *навек сделал его городом-героем*» [6]. Безальтернативность позиционирования города в символическом пространстве страны и безапелляционность суждений отличает акторов, отстаивающих позицию власти. Между тем, директор музея-заповедника «Сталинградская битва» А. Васин сообщил ТАСС, что к проведению чемпионата мира по футболу 2018 года у Мамаева кургана создадут Мемориальный парк который «будет похож на московский Парк Победы на Поклонной горе: в нем будут представлены образцы военной техники, обустроены роликовые дорожки, фонтаны и т.д.» [27]. Это обстоятельство указывает на определённую тенденцию последнего времени, когда, как отмечают социологи, многими горожанами парки Победы воспринимаются как обычное рекреационное пространство [18].

Очевидно, что Волгоград в официальном символическом пространстве современной России продолжает оставаться средоточием воинской славы, несокрушимости духа. Мамаев

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

курган задействован не только как место памяти локального события во время празднования событий военной памяти, но и как место общенационального значения в дни празднования юбилейных дат Сталинградской битвы, в отличие от всех остальных памятных мест с «женскими монументами», которые используются за пределами Москвы и Петербурга исключительно как локальные. Показательно, что старт избирательной кампании «партии власти» 6 мая 2011 года был дан в Волгограде, где премьер-министр Путин выступил на съезде «Единой России» и объявил о создании Общероссийского народного фронта. О своём посещении мемориального комплекса на Мамаевом кургане он сообщил участникам съезда (См. статью О. В. Рябова «“Родина-мать” в символической политике периода “Болотной революции”: Легитимация и делегитимация власти» в этом номере).

Историческое наследие Сталинградской битвы и главный мемориал с возвышающимся над городом монументом «Родина-мать зовёт!» по сей день являются предметом символической борьбы акторов, стремящихся к доминированию их интерпретации политики памяти. Имеет место описанное М. де Серто противопоставление стратегии политических властей или других элит повседневным тактикам слабых, присваивающих и видоизменяющих предписанные сверху культурные коды, наполняющих их собственным смыслом и подрывая смыслы, предзаданные доминирующими стратегиями [8, с. 97].

Выводы. У войны не женское лицо

1. Установленные в советское время памятники Родине-матери, хотя и не преобладали количественно, но активно использовались в символической политике. В первую очередь это относится к монументам на Мамаевом кургане в Волгограде и на Пискаревском кладбище в Ленинграде, акцентирующим внимание на двух ипостасях этого образа — мобилизующей и скорбящей матери.

2. В использовании образа матери в современных городских практиках мемориализации памяти о войне обнаруживается явная преемственность с советским временем. Памятные места, посвящённые погибшим на Афганской и Чеченской войнах, так же как и новые мемориалы жертвам Великой Отечественной войны, могут содержать визуальные образы матери, не имеющие сколь либо значимые отличия между собой.

3. Легко обнаруживается несистемность использования образов Родины-матери и скорбящей матери в масштабе страны, т.к. в некоторых городах может быть несколько подобных памятников, а в других они отсутствуют, что нельзя объяснить спецификой города или региона. Чаще всего подобные мемориалы расположены в местах захоронений, в новых городских районах или в парках Победы, поскольку мемориализация Великой Отечественной войны (и тем более локальных войн) не могла реструктурировать сложившуюся в СССР, и в значительной степени сохранившуюся в российских городах, систему памятных мест.

4. Памятники Родине-матери в значительной степени транслируют советскую семантику тем самым неизбежно влияют на специфику организации символического пространства современных российских городов, в которых устанавливаются памятники святым, правителям и политическим деятелям дореволюционной России, представителям белого движения и проч. Это обстоятельство создаёт почву для определённой напряжённости во взаимодействиях акторов, придерживающихся различных взглядов. Однако роль Великой Отечественной войны в современной российской символической политике позволяет актуализировать образ Родины-матери и даже использовать его за пределами данного дискурса как патриотический

“РОДИНА-МАТЬ”
В ИСТОРИИ РОССИИ

маркер.

5. Обнаруживаются две взаимоисключающие тенденции интерпретации мемориального городского пространства и способов использования мест памяти. С одной стороны, это попытки отказаться от принудительной маркировки мемориального локуса как места скорби (парки Победы) и даже как смыслообразующего для города и региона (случай Волгограда). С другой стороны, это стремление акторов к стигматизации мест памяти, к извлечению символических и политических дивидендов, как это происходит с памятью о Сталинградской битве.

Т.о., практики политического использования образа Родины-матери не имеют универсальной общей трактовки, обусловленной его специфичностью в отечественной культуре. Анализ способов включения материнских образов в политики памяти позволяет сделать вывод о том, многие памятники обрели свои собственные уникальные коннотации.

Библиография

1. Биллинг М. Повседневное напоминание о Родине / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2007. № 1 (58). — С. 34–68.
2. Бренд сивой кобылы. <http://v102.ru/buronahodok/37501.html>
3. Бронзовый «Ёжик в тумане» займет место «Родины-матери». <http://www.newsru.com/cinema/27oct2003/jezh.html>
4. Валериус С. Советская скульптура. — М.: Знание, 1967. — 80 с.
5. Ваньке А. Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27699-landshafty-pamyati-park-pobedy-na-poklonnoy-gore-v-moskve.html>
6. Владимир Собакарь: «Главным символом города-героя Волгограда была и останется Родина-Мать» <http://www.volgadmin.ru/ru/MPAuthority/News/NewsAdminText.aspx?idn=21797>
7. Волгоградские чиновники застыдились «несовременной» Родины-матери. <http://udachny.ru/politika/volgogradskie-chinovniki-zastydilis-nesovremennoj-rodiny-materi.html>
8. Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). —
9. Габович М. Советские военные памятники: биографические заметки // Что делать? 2014. № 37. <http://gabowitsch.net/wp-content/uploads/2014/05/Chto-delat-pamiatniki-FINAL-ru.pdf>
10. Громов Д.В. Новые обряды современного бракосочетания. <http://postnauka.ru/longreads/2649>
11. Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы) // Неприкосновенный запас. 2005, № 2-3 (40-41). — С. 149–161.
12. День Победы 2015: полная программа праздничных мероприятий в Казани 7-9 мая. <http://www.imenno.ru/2015/05/07/313688/>
13. День Победы 2015: программа праздничных мероприятий в Санкт-Петербурге 6-9 мая. <http://www.imenno.ru/2015/04/30/312034/>
14. Есть в Казани парк Победы <http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/tochka-na-karte-goroda/1251-258>
15. И помнит мир спасенный http://kamensky.perm.ru/proj/war_on_map/pamatniki.htm
16. Историко-революционные памятники СССР. Краткий справочник. — М.: Политиздат, 1972. — 304 с.: илл.
17. Колягина Н. К. Бюрократы, патриоты, аутсайдеры: стратегии взаимодействия с новыми российскими памятниками // Историческая разметка пространства и времени: материалы семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 года / Волгогр. гос. ун-т, Фил. зарегистр. союза «Фонд Фридриха Эберта» (Германия) в Рос. Федерации; под ред. И. И.Куриллы. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 89–112.

**“РОДИНА-МАТЬ”
В ИСТОРИИ РОССИИ**

18. Колягина Н., Конрадова Н. День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27695-den-pobedy-na-poklonnoy-gore-struktura-prostranstva-i-ritualy.html>
19. Котова К. Ленин, церковь и некрополь: ландшафт современного российского города // 60 параллель. 2010. №1. http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/36/12.pdf
20. Лейн К. Ритуал военно-патриотической традиции // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27689-ritual-voenno-patrioticheskoy-tradicii.html>
21. Макаров А. И. Историческая память в городском пространстве // Историческая разметка пространства и времени: материалы семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 года / Волгогр. гос. ун-т, Фил. зарегистр. союза «Фонд Фридриха Эберта» (Германия) в Рос. Федерации; под ред. И. И. Куриллы. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 12–18.
22. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. — С. 90–105.
23. Малинова О. Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. — С. 114–130.
24. Малинова О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. — М.: ИНИОН РАН, 2012. — С. 5–16.
25. Малышева С., Сальникова А. Российский провинциальный город. 1920-х годов: визуализация «советскости» // Визуальная антропология: городские карты памяти. Сборник статей. Под ред. Е. Ярской-Смирновой. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. — С. 121–142.
26. Молева Н. История новой Москвы, или Кому ставим памятник. http://modernlib.ru/books/moleva_nina/istoriya_novoy_moskvi_ili_komu_stavim_pamyatnik/read
27. Мемориальный парк появится в Волгограде у Мамаева кургана к ЧМ-2018 по футболу. <http://tass.ru/sport/2444867>
28. Мохов С. В. Городские памятники в восприятии московских студентов // Вестник Института Кеннана. 2011. № 20. <http://lib.convdocs.org/docs/index-26241.html>
29. Мохов С. В. Городской памятник, как инструмент nation-building: символическое пространство и историческая память // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 7. — С. 17–29.
30. На мемориал Родина-мать приходит четверть челнинских молодоженов. <http://www.chelny-izvest.ru/facts/30027.html>
31. Немцев М. О будущем, или Зачем нам памятники // 60 параллель. 2010. №1. http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/36/09.pdf
32. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — С. 17–50.
33. Парк Победы Казань. <http://www.photokzn.ru/places/0/110/>
34. Пахомова Л. Феномен Ильдара Ханова. http://www.elabuga.com/hall/_hanov_fenomen.html
35. Праздничные мероприятия в Волгограде в честь Дня Победы уже начались. <http://v102.ru/investigation/4793.html>
36. Программа празднования Дня Победы в Набережных Челнах: парад, салют и майский вальс. <http://nabchelni.bezformat.ru/listnews/pobedi-v-naberezhnih-chelnah-parad/32300044/>
37. Родина-мать зовёт! <http://feldgrau.info/other/6897-rodina-mat-zovet>
38. Родина-мать уже не нужна. <http://nnm.me/blogs/aleeks1/rodina-mat-uzhe-ne-nuzhna/page11/>
39. Романова К. Местные власти вознамерились придумать новый символ города — менее «кровавый». http://rusplt.ru/articles/region/region_1747.html
40. Рябов О. В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. — М.: Ладомир, 2001. — 202 с., ил.
41. Рябов О. В. «Родина-Мать»: история образа. // Женщина в российском обществе. 2006. № 3. — С.

“РОДИНА-МАТЬ” В ИСТОРИИ РОССИИ

33–46.

42. Рябов О.В. «Родина-мать» в истории визуальной культуры России // Вестник ТвГУ. Серия "История". 2014. № 1.

43. Рябов О.В. «Россия-Матушка». История визуализации // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. — Иваново, 2008. Вып. 2: Визуализация нации. — С. 7–36.

44. Серенко А. Чиновникам Волгограда Родина-мать уже не нужна. http://www.ng.ru/regions/2012-11-29/1_volgograd.html,

45. Сперанская В. С. Скульптура в современной городской среде: роль, место, форма: (К проблеме совершенствования арх.-худ. облика новых жилых районов Ленинграда — С.-Петербурга): автореф. дис. ... кандидата искусствовед. — СПб., 1993. — 23 с.

46. Степнова Л. А. Социальная символика России // Социс. 1998. № 7. — С. 92–93.

47. Стрельникова А. Коллективная память в городском пространстве: места памяти об афганской войне 1979-1989 г.г. http://www.timeandspace.lviv.ua/files/working_papers/Anna%20Strelnykova_41.pdf

48. Тимофеев М.Ю. Нациосфера: Опыт анализа семиосферы наций. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. — 279 с.: 45 ил.

49. Трубина Е. Видимое и невидимое в повседневности городов // Визуальная антропология: городские карты памяти. Сборник статей. Под ред. Е. Ярской-Смирновой. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. — 312 с.

50. Ушакин С. Вспоминая на публике: Об аффективном менеджменте истории. <http://gefter.ru/archive/13513>

51. Яковлева Э. Лучшие памятники и скульптуры города. <http://v-chelny.ru/news/luchshie-pamyatniki-i-skulpturi-goroda/>

52. Levinson S. Written in Stone: Public Monuments in Changing Societies. — Durham (N. C.): Duke University Press, 1998. — xiii, 144 p., ill.

53. Michalski S. Public Monuments: Art in Political Bondage, 1870–1997. — L.: Reaktion Books, 1998. — 236 p., ill.

References

1. Billig M. Povsednevnoe napominanie o Rodine / Per. s angl. A. Smirnova // Logos. 2007. № 1 (58). — S. 34–68.

2. Brend svoi kobyly. <http://v102.ru/buronahodok/37501.html>

3. Bronzovyi "Ezhik v tumane" zaimet mesto "Rodiny-materi". <http://www.newsru.com/cinema/27oct2003/jezh.html>

4. Valerius S. Sovetskaia skul'ptura. — M.: Znanie, 1967. — 80 s.

5. Van'ke A. Landshafty pamiati. Park Pobedy na Poklonnoi gore v Moskve // Neprikosnovennyi zapas. 2015. № 3 (101). <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27699-landshafty-pamyati-park-pobedy-na-poklonnoy-gore-v-moskve.html>

6. Vladimir Sobakar': "Glavnym simbolom goroda-geroia Volgograda byla i ostanetsia Rodina-Mat" <http://www.volgadmin.ru/ru/MPAuthority/News/NewsAdminText.aspx?idn=21797>

7. Volgogradskie chinovniki zastydilis' "nesovremennoi" Rodiny-materi. <http://udachny.ru/politika/volgogradskie-chinovniki-zastydilis-nesovremennoj-rodiny-materi.html>

8. Gabovich M. Pamiatnik i prazdnik: etnografia Dnia Pobedy // Neprikosnovennyi zapas. 2015. № 3 (101). —

9. Gabovich M. Sovetskie voennye pamiatniki: biograficheskie zametki // Chto delat'? 2014. № 37. <http://gabowitsch.net/wp-content/uploads/2014/05/Chto-delat-pamiatniki-FINAL-ru.pdf>

10. Gromov D.V. Novye obriady sovremennogo brakosochetaniia. <http://postnauka.ru/longreads/2649>

11. Danilova N. Memorial'naia versiia Afganskoi voiny (1979–1989 gody) // Neprikosnovennyi zapas. 2005, № 2-3 (40-41). — S. 149–161.

**“РОДИНА-МАТЬ”
В ИСТОРИИ РОССИИ**

12. Den' Pobedy 2015: polnaia programma prazdnichnykh meropriatii v Kazani 7-9 maia. <http://www.imenno.ru/2015/05/07/313688/>
13. Den' Pobedy 2015: programma prazdnichnykh meropriatii v Sankt-Peterburge 6-9 maia. <http://www.imenno.ru/2015/04/30/312034/>
14. Est' v Kazani park Pobedy <http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/tochka-na-karte-goroda/1251-258>
15. I pomnit mir spasennyi http://kamensky.perm.ru/proj/war_on_map/pamatniki.htm
16. Istoriko-revoliutsionnye pamiatniki SSSR. Kratkii spravochnik. — M.: Politizdat, 1972. — 304 s.: ill.
17. Koliagina N. K. Biurokraty, patrioty, autsaidery: strategii vzaimodeistviia s novymi rossiiskimi pamiatnikami // Istoricheskaia razmetka prostranstva i vremeni: materialy seminar, proved. Volgogr. gos. un-tom pri podderzhke Fonda F. Eberta 13 maia 2014 goda / Volgogr. gos. un-t, Fil. zaregistr. souza "Fond Fridrikha Eberta' (Germaniia) v Ros. Federatsii; pod red. I. I. Kurilly. — Volgograd: Izd-vo VolGU, 2014. — S. 89–112.
18. Koliagina N., Konradova N. Den' Pobedy na Poklonnoi gore: struktura prostranstva i ritualy // Neprikosnovennyi zapas. 2015. № 3 (101). <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27695-den-pobedy-na-poklonnoy-gore-struktura-prostranstva-i-ritualy.html>
19. Kotova K. Lenin, tserkov' i nekropol': landshaft sovremennogo rossiiskogo goroda // 60 parallel'. 2010. №1. http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/36/12.pdf
20. Lein K. Ritual voenno-patrioticheskoi traditsii // Neprikosnovennyi zapas. 2015. № 3 (101). <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27689-ritual-voenno-patrioticheskoy-tradicii.html>
21. Makarov A. I. Istoricheskaia pamiat' v gorodskom prostranstve // Istoricheskaia razmetka prostranstva i vremeni: materialy seminar, proved. Volgogr. gos. un-tom pri podderzhke Fonda F. Eberta 13 maia 2014 goda / Volgogr. gos. un-t, Fil. zaregistr. souza "Fond Fridrikha Eberta' (Germaniia) v Ros. Federatsii; pod red. I. I. Kurilly. — Volgograd: Izd-vo VolGU, 2014. — S. 12–18.
22. Malinova O. Iu. Simvolicheskaia politika i konstruirovaniie makropoliticheskoi identichnosti v postsovetskoi Rossii // Polis. 2010. № 2. — S. 90-105.
23. Malinova O. Iu. Problema politicheskoi "prigodnogo" proshlogo i evoliutsiia ofitsial'noi simvolicheskoi politiki v postsovetskoi Rossii // Politicheskaiia kontseptologiya. 2013. № 1. — S. 114-130.
24. Malinova O. Iu. Simvolicheskaia politika: kontury problemnogo polia // Simvolicheskaia politika. Vyp. 1: Konstruirovaniie predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs. — M.: INION RAN, 2012. — S. 5-16.
25. Malysheva S., Sal'nikova A. Rossiiskii provintsial'nyi gorod. 1920-kh godov: vizualizatsiia "sovetskosti" // Vizual'naia antropologiya: gorodskie karty pamiat. Sbornik statei. Pod red. E. Iarskoi-Smirnovoi. — M.: OOO "Variant", TsSPGI, 2009. — S. 121-142.
26. Moleva N. Istoriiia novoi Moskvy, ili Komu stavim pamiatnik. http://modernlib.ru/books/moleva_nina/istoriya_novoy_moskvi_ili_komu_stavim_pamyatnik/read
27. Memorial'nyi park poiavitsia v Volgograde u Mamaeva kurgana k ChM-2018 po futbolu. <http://tass.ru/sport/2444867>
28. Mokhov S. V. Gorodskie pamiatniki v vospriatii moskovskikh studentov // Vestnik Instituta Kennana. 2011. № 20. <http://lib.convdocs.org/docs/index-26241.html>
29. Mokhov S. V. Gorodskoi pamiatnik, kak instrument nation-building: simvolicheskoe prostranstvo i istoricheskaia pamiat' // Biznes. Obshchestvo. Vlast'. 2011. № 7. — S. 17-29.
30. Na memorial Rodina-mat' prikhodit chetvert' chelninskikh molodozhenov. <http://www.chelny-izvest.ru/facts/30027.html>
31. Nemtsev M. O budushchem, ili Zachem nam pamiatniki // 60 parallel'. 2010. №1. http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/36/09.pdf
32. Nora P. Problematika mest pamiat' // Frantsiia-pamiat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Piuimezh, M. Vinok. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. — S. 17–50.
33. Park Pobedy Kazan'. <http://www.photokzn.ru/places/0/110/>
34. Pakhomova L. Fenomen Il'dara Khanova. http://www.elabuga.com/hall/_hanov_fenomen.html
35. Prazdnichnye meropriatii v Volgograde v chest' Dnia Pobedy uzhe nachalis'. <http://v102.ru/>

“РОДИНА-МАТЬ”
В ИСТОРИИ РОССИИ

investigation/4793.html

36. Programma prazdnovaniia Dnia Pobedy v Naberezhnykh Chelnakh: parad, saliut i maiskii val's. <http://nabchelni.bezformata.ru/listnews/pobedi-v-naberezhnih-chelnah-parad/32300044/>

37. Rodina-mat' zovet! <http://feldgrau.info/other/6897-rodina-mat-zovet>

38. Rodina-mat' uzhe ne nuzhna. <http://nnm.me/blogs/aleeks1/rodina-mat-uzhe-ne-nuzhna/page11/>

39. Romanova K. Mestnye vlasti voznamerilis' pridumat' novyi simvol goroda — menee "krovavyi". http://rusplt.ru/articles/region/region_1747.html

40. Riabov O. V. "Matushka-Rus": opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noi identichnosti Rossii v otechestvennoi i zapadnoi istoriosofii. — M.: Ladomir, 2001. — 202 s., il.

41. Riabov O. V. "Rodina-Mat": istoriia obraza. // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2006. № 3. — S. 33–46.

42. Riabov O.V. "Rodina-mat" v istorii vizual'noi kul'tury Rossii // Vestnik TvGU. Seriya "Istoriia". 2014. № 1.

43. Riabov O.V. "Rossiia-Matushka". Istoriia vizualizatsii // Granitsy: Al'manakh Tsentra etnicheskikh i natsional'nykh issledovaniy IvGU. — Ivanovo, 2008. Vyp. 2: Vizualizatsiia natsii. — S. 7–36.

44. Serenko A. Chinovnikam Volgograda Rodina-mat' uzhenenuzhna. http://www.ng.ru/regions/2012-11-29/1_volgograd.html,

45. Speranskaia V. S. Skul'ptura v sovremennoi gorodskoi srede: rol', mesto, forma: (K probleme sovershenstvovaniia arkh.-khud. oblika novykh zhilykh raionov Leningrada — S.-Peterburga): avtoref. dis. ... kandidata iskusstvoved. — SPb., 1993. — 23 s.

46. Stepanova L. A. Sotsial'naia simbolika Rossii // Sotsis. 1998. № 7. — S. 92–93.

47. Strel'nikova A. Kollektivnaia pamiat' v gorodskom prostranstve: mesta pamiati ob afganskoi voine 1979-1989 g.g. http://www.timeandspace.lviv.ua/files/working_papers/Anna_Strelnykova_41.pdf

48. Timofeev M.Iu. Natsiosfera: Opyt analiza semiosfery natsii. — Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2005. — 279 s.: 45 il.

49. Trubina E. Vidimoe i nevidimoe v povsednevnosti gorodov // Vizual'naia antropologiya: gorodskie karty pamiati. Sbornik statei. Pod red. E. Iarskoi-Smirnovoi. — M.: OOO "Variant", TsSPGI, 2009. — 312 s.

50. Ushakin S. Vspominaia na publike: Ob affektivnom menedzhmente istorii. <http://gefter.ru/archive/13513>

51. Iakovleva E. Luchshie pamiatniki i skul'ptury goroda. <http://v-chelny.ru/news/luchshie-pamyatniki-i-skulpturi-goroda/>

52. Levinson S. Written in Stone: Public Monuments in Changing Societies. — Durham (N. C.): Duke University Press, 1998. — xiii, 144 p., ill.

53. Michalski S. Public Monuments: Art in Political Bondage, 1870–1997. — L.: Reaktion Books, 1998. — 236 p., ill.